

каждого филолога, так в особенности много обещают в будущем. Г. Гильфердингу нужно только:

1) Изучить организм языка вообще. В определении глагольных принадлежностей он показал чрезвычайно сбивчивые понятия. То же видим в названиях звуков. Г. Гильфердинг называет звуки *д* и *т* *зубными*, между тем как другие (также произвольно) называют их *язычными*; звуки *ч* и *ж* он называет *нёбными*, между тем как ясно, что в произношении их нёбо нисколько не участвует. (Мы думаем, с своей стороны, что все согласные звуки должно разделить на *зубные*, произносимые губами, наружным органом рта, без помощи языка, и *язычные*, произносимые внутренними органами рта с помощью языка, что язычные должно подразделить на *нёбные*, произносимые языком и нёбом, куда относятся так называемые *гортанные*, *плавные* и *язычные*, и *зубные*, произносимые языком и зубами, куда относятся так называемые *шипящие*, *шепелеватые*, *свистящие*: закон органических противоположностей ясно выказывается здесь.) Г. Гильфердинг не оставил еще старого обыкновения *звуки* называть *буквами*. Организм языка должен быть светильником на пути сравнительно-исторических исследований.

2) Изучить отдельные языки, которые он желает сравнивать, прежде, нежели выводить об отношении их между собою общие и положительные результаты.

3) Брать для сравнения слова из живой речи, где они только и имеют свой смысл, а не из лексиконов. Учиться языку по лексикону все равно, что по азбучному списку собственных имен учиться географии. Притом должно делать различие и в самых памятниках. Например, г. Гильфердинг берет славянские слова из Миклошича и пишет *врѣхъ*, *дрѣзати*, а не *врѣх*, *дрѣзати*, как эти слова пишутся в Остромировом Евангелии, самом важном памятнике языка славянского, откуда их и следовало брать.

При таких условиях мы вполне надеемся, что г. Гильфердинг с своими дарованиями и трудолюбием принесет несомненную пользу сравнительно-историческому языкознанию.

Комнатная магия или увеселительные фокусы и опыты, основанные на физике и химии. Сочинение Г. Ф. Амарантова. Москва. 1854.

Умеете ли вы «переносить воду в решете?» Если не умеете, «Комнатная магия» научит вас этому.

«Стоит только накрыть верх решета гладкою доскою (мы прибавим: еще вернее достигнете вы цели, если крепко обтянете верх решета полотном, а потом уже на полотно положите доску) и придерживать полотно, так чтобы воздух не мог проходить. Если погрузить таким образом накрытое решето в воду и, когда оно наполнится, опять вынуть (опять прибавим: погружать ре-

шего надобно боком, а вынимать его не наклоня на бок), то вода, в нем находящаяся, не будет вытекать до тех пор, пока не отнимется доска. Это объясняется тем, что воздух, давя снизу, препятствует выходу воды, потому что присутствием доски отстраняется противодействующее давление снизу».

Из этого видно: 1) что опыты и фокусы изложены в «Комнатной магии» не совсем полно; 2) что они действительно основаны на физике и химии, а не на проворстве рук, и потому удобоисполнимы для каждого желающего ими заняться; 3) что поэтому взрослые и не взрослые дети могут довольно забавно проводить время при помощи «Комнатной магии»; 4) что г. Амарантов имеет похвальное стремление объяснять загадочные явления.

Умеете ли вы «заставить среди зимы расцвести в комнате ветвь, срубленную в саду и замерзшую?» Ни вопроса этого, ни ответа на него в «Комнатной магии» мы не нашли; в сотнях других подобных книжек вы найдете следующий ответ: посадите замерзшую ветвь в наполненное известью и водою ведро, и она распустится и расцветет в несколько часов.

Из этого видно: 1) что далеко не все фокусы помещены в «Комнатной магии», 2) что, имея под руками несколько подобных книжек, можно давать удовлетворительные ответы и на такие вопросы, которых нет в «Комнатной магии».

Итак, предполагая, что у любителя подобных задач есть достаточный запас книг, мы попросим его дать ответ на следующий вопрос: на-днях вышла книжка под заглавием

Первая любовь. Повесть. Сочинение А. К-ва. Москва. 1854

Повесть эта очень плоха, плоха так, как нельзя больше. В ней два злодея, из которых одного, для эффекта, зовут Жуком; есть два эпизодические рассказа, написанные явно с целью соперничать с «повестью о капитане Копейкине», даже подобно ей напечатанные с особым заглавием; вот образцы их:

«Столоначальник и говорит: это, говорит, не так написано; говорит: надо вот так и так; тут вот, говорит, написано то, а надо вот то, и прочее, в этом роде, понимаете...»

«Вхожу в переднюю-с. Там лакеище этакой неподвижный, знаете, мурлястый такой, хватистый, грузный из себя. Кого вам? говорит. — Я говорю: барышню вот, говорю, платок отдать».

Есть добродетельный чудак, есть соблазнитель, есть преступный старик, есть яд, даже два раза, есть — что всего ужаснее — страшный юмор... одним словом, читатель, вероятно, уж убедился в качествах «Первой любви». Итак, предлагается следующая задача:

«Как сделать, чтобы книжка, заключающая в своей обертке «Первую любовь», была редким и замечательным явлением в литературе?»